

**Посвящается каждому, кто желал бы
отведать пирога «Черный дрозд»**

— Почему бы вам не рассказать все по порядку? С чего все началось?

— Началось? Пожалуй, с похорон. Туда слетелась целая стая черных дроздов. Устроили настоящий цирк, черт возьми! — Фейлин Уиггинс резко хлопнула по столу ладонью, да так, что сладкий ежевичный чай выплеснулся из чашек. — Погодите! Погодите! Не вздумайте это писать в статье! Матушка заставит меня вымыть рот домашним лимонно-вербеновым мылом, если узнает, что я чертыхаюсь во всеуслышание.

Журналист пролистал блокнот.

— Мне казалось, вы говорили, что ваша мама умерла?

— Ах, вы не поняли. Что, впрочем, простительно, ведь вы не из наших краев. Уиклоу, молодой человек, — необычный городок. Боже, я бы не удивилась, если бы матушка восстала из гроба и напрямик ко мне с куском мыла в костлявых руках! — Решительно кивнув, Фейлин подняла указательный палец. — А вот это можете напечатать.

Анна-Кейт

Дикий гвалт, от которого и мертвый проснется, — не слишком приятное начало дня.

Очнувшись от крепкого сна, я села на постели и протерла глаза. Только пятнадцать минут шестого. Я не сра-

зу поняла, где нахожусь, — знакомое ощущение. От него всегда становится спокойнее, почти так же, как от старенького лоскутного одеяла, кочующего со мной из города в город.

Постепенно в памяти начали всплывать все события минувшей недели. Уиклоу. Кафе. Похороны. Черные дрозды. Соседи.

О господи, соседи...

Глубоко вдохнув, я откинулась на подушки и прислушалась. Негромко жужжал кондиционер, тикали часы в коридоре, за окном пели птицы. Ничего необычного. Что же меня разбудило? Неужели бедняга Лейзенби опять ломится в двери кафе прямо под моей спальней? Боже мой, только не это! Конечно, милый, несчастный старик просто хочет получить кусок пирога, но я сейчас желаю лишь одного: накрыть голову подушкой и проспаться еще полчаса, пока не прозвенит будильник.

Снаружи вновь раздались шум и невнятные крики. Остатки сна улетучились. В недоумении я отбросила в сторону лоскутное одеяло и соскользнула с кровати. Пригнувшись, чтобы никто с улицы не увидел меня в домашней майке и шортах, прокралась по пыльному дощатому полу к окну.

Над горами занимался рассвет — предвестник солнечного, влажного весеннего денька. Внизу во дворике толпились десятка два мужчин и женщин в широкополых шляпах и практичной обуви, с биноклями в руках. Выстроившись вдоль металлической ограды, они разглядывали что-то позади дома. Ни одного из незваных гостей я раньше не встречала.

Не то чтобы я знала всех в Уиклоу. Хотя сложилось впечатление, что с тех пор как перебралась сюда из Бостона, успела перезнакомиться со всеми жителями городка.

Эта неделя выдалась чрезвычайно напряженной. Все закрутилось после того рокового звонка, когда мне сообщили о скоропостижной смерти моей бабушки Зоры Кэллоу, или попросту Зи. Я сломя голову помчалась в Уиклоу — забытый богом городок, затерявшийся среди гор на северо-востоке Алабамы, — поговорить с бабушкиным юристом и распорядиться насчет похорон. Позже пришлось вернуться в Бостон, чтобы забрать вещи и отказаться от съемной комнаты в старом доме недалеко от университета, который я недавно окончила. Завершив дела, я загрузила чемоданы в машину и вновь отправилась в дальний путь: дорога до Уиклоу занимала семнадцать часов.

Приехав, я поселилась в крошечной квартирке над кафе «Черный дрозд». Похоронила любимую бабушку. И все это время тщетно пыталась избегать встреч с добродушными, но очень любопытными соседями, которые стремились выведать как можно больше сведений о загадочной внучке Зи, Анне-Кейт Кэллоу.

То есть обо мне.

Последние несколько дней в кафе сплошным потоком тянулись обитатели Уиклоу. Каждый приходил не с пустыми руками, а с завернутым в фольгу кабачковым хлебом (никогда не видела столько буханок сразу!), забавными историями из жизни, подробными рассказами о Зи и тысячей вопросов. Соседей интересовало буквально все: сколько мне лет, как прошло мое детство, где я училась, от чего четыре года назад умерла мама и кто мой отец. Я с удовольствием слушала их воспоминания о бабушке, но старалась по возможности уклоняться от ответов, особенно когда меня расспрашивали о папе: рано пока об этом говорить.

Теперь на кабачковый хлеб я даже смотреть не могу. События минувшей недели и без того меня совершенно

вымотали, а тут еще это сборище под окнами с утра пораньше. Кто все эти люди?

Я толкнула вверх разбухшую от сырости оконную раму. Она протестующе закрипела. Лицо овеял теплый, влажный воздух, словно прикоснувшись мокрым полотенцем.

— Эй! Доброе утро! — От звуков собственного голоса в висках запульсировала боль.

Накануне я весь день готовилась к открытию кафе. Единственные его сотрудники, энергичные супруги Лук и Джина Бартелеми, организовали для меня ускоренный обучающий курс: подсказали, как заказывать продукты, проводить инвентаризацию и обслуживать клиентов, помогли овладеть азами бухгалтерии. Кроме того, я ознакомилась с меню, состряпала несколько блюд и узнала, что где лежит на кухне. К вечеру в голове образовался полнейший сумбур, но Лук с Джиной клялись и божились, что я быстро освоюсь.

И сейчас, на рассвете, затаившись у окна и мечтая о тишине и чашке крепкого кофе, я в который раз задалась вопросом, зачем приехала в Уиклоу, пусть и ненадолго. Почему я оказалась в этом городишке, таком крошечном, что в нем установлено всего-навсего два светодора? Я должна быть дома, в Массачусетсе, и готовиться к переезду в Вустер, где уже в середине августа у меня начинаются занятия в медицинском университете.

Ах да. Я здесь из-за бабушки Зи.

Точнее, из-за ее завещания.

— Вон, вон там! — крикнул кто-то из толпы, указывая за угол дома, но тут же досадливо поправился: — Нет, показалось. Это обычная ворона.

Собравшиеся разочарованно загудели.

— Эй! — снова окликнула их я.

Никто меня не услышал.

Я второпях накинула халат и, пригладив непослушные волосы, по старой, скрипучей лестнице спустилась на первый этаж. Потемневшие от времени сосновые ступени, за несколько десятилетий отполированные до блеска, напоминали атласную ткань. Я легко могла представить себе, как Зи спешит по ним вверх и вниз — странно, если учесть, что я ни разу этого не видела, поскольку никогда раньше не бывала в кафе «Черный дрозд», да и вообще в Уиклоу.

Раньше мне было запрещено здесь появляться. Так гласила семейная заповедь, которую учредила моя мама, Иден, покинувшая этот дом двадцать пять лет назад и поклявшаяся не возвращаться. Ей в ту пору едва исполнилось восемнадцать, и она была на втором месяце беременности.

Все мое детство мама упорно отмалчивалась в ответ на мои расспросы об Уиклоу, бабушкином кафе, черных дроздах, папиной трагической смерти и его родителях, которых мама люто ненавидела. Конечно, я не вправе ее винить. Ведь мама потеряла в Уиклоу многое, включая любовь всей жизни, и чуть не лишилась свободы после того, как ее обвинили в убийстве. А еще, уехав из Уиклоу, мама утратила частицу себя.

Я взглянула на крупные, ровные буквы над холодильником. От одной стены к другой через все помещение тянулась надпись:

«Под полуночным небом
Песни черных дроздов
Нам подарят любовь
Тех, что канули в небыль.
Пироги надо печь,
Чтоб звучала их речь
Под полуночным небом».

К недовольству мамы, я, благодаря Зи, зазубрила этот стишок сразу же, как только немного подросла и начала говорить целыми фразами.

Однажды, когда мне было семь, мама вернулась с работы пораньше и застала нас на кухне: Зи учила меня печь ее знаменитый пирог «Черный дрозд». В тот день они сильно повздорили. Мама отправила меня в детскую, но и туда доносились их голоса: раздраженный, полный горечи — мамин и умоляющий — бабушкин. Они спорили из-за меня, Уиклоу и, что удивительно, из-за пирога. Кстати, никаких птиц в него не запекают. В качестве начинки в «Черный дрозд» кладут фрукты.

— Я не хочу, чтобы ты рассказывала Анне-Кейт о черных дроздах. Обещай, что не будешь, — требовала мама.

Она неспроста настаивала на обещании: все члены семьи Кэллоу гордились тем, что всегда держат слово.

Зи тяжело вздохнула.

— Ты не сможешь всю жизнь скрывать от нее правду. Твоя дочь должна все знать. Анна-Кейт имеет на это право, она его унаследовала!

— Зачем? Она все равно никогда не поедет в Уиклоу.

— Мы обе понимаем, что это не так. В один прекрасный день Анна-Кейт вернется в Уиклоу, да и ты тоже. Ваше место там, где ваши корни, и судьба обязательно приведет вас туда.

— Только через мой труп!

— Дорогая моя, ты не сумеешь это предотвратить, даже если сбежишь на край света.

— Обещай, — категорично повторила мама.

Казалось, Зи молчала целую вечность, прежде чем произнести:

— Обещаю, что не стану больше говорить с Анной-Кейт о черных дроздах.

Мама, как и Зи, от природы настойчивая и непреклонная, впитала эти черты с молоком матери. Бабушка была не из тех, кто готов отступить и поменять свои убеждения.

Этим же вечером, укладывая меня спать, Зи предложила мне послушать одну историю.

— Только это должно остаться между нами, Анна-Кейт.

Я дала слово молчать. То была первая из множества наших тайн, которые я никому не раскрыла до сих пор.

Бабушка сжала мою руку и начала:

— Давным-давно жила-была кельтская семья. Все женщины в ней обладали добротой, сочувствием и даром врачевания. Они знали оживительной силе Земли и использовали ее, чтобы исцелять, утешать, успокаивать. Помогая другим, они сами обретали счастье и мир в душе. У этих женщин был один секрет.

— Какой секрет?

— Огромный! — Бабушка понизила голос. Ее речь с мягким южным выговором обволакивала ласковым теплом. — Они — хранительницы портала, соединяющего тот свет и этот. По магическому проходу под полуночным небом духи проникают в наш мир.

— Тот свет? Это как Небеса, да?

— Именно, милая.

Зи продолжала свой рассказ, и я чувствовала: ее слова — истинная правда, какой бы невероятной она ни казалась. Хранительницы... спрятанный среди листьев портал... послания с того света, запеченные в пироги... Вроде бы нелепость, глупая выдумка, но все это воспринималось как повествование об исторических событиях. И более того — как наследие.

Зи, к ее чести, формально сдержала обещание: она никогда не упоминала о дроздах. В наших беседах бабушка

называла их черными как ночь птицами, оберегающими деревья. Зи поведала мне все, что нужно было знать о дроздах и их предназначении. За многие годы бабушка дала мне разностороннее образование: я научилась искусству кулинарии, усвоила множество жизненно важных уроков, а во время наших длительных прогулок лучше узнала природу.

Возможно, Зи заблаговременно подготавливала меня к тому дню, когда вдруг выяснилось, что я должна два месяца заниматься делами кафе. Много лет назад бабушка предсказала, что я непременно вернусь в Уиклоу. Она не сомневалась, что так будет.

Со вздохом, отвлекшись от мыслей о маме, Зи и черных дроздах, я отперла дверь — вход в кафе. Вернувшись в кухню, прошла на большую, пострадавшую от непогоды террасу через раму из проволочной сетки. Та с глухим стуком захлопнулась за спиной.

Майский рассвет окрасил небо ярко-оранжевым, добавив несколько нежно-розовых штрихов. Отовсюду слышался многоголосый птичий щебет. В свежем воздухе витал аромат мяты и базилика.

Я оглядела гравийные дорожки, обложенные камнями клумбы, травы, цветы и небольшой огород. Бабушка вложила в сад всю душу. Это чувствовалось в каждом трепещущем на ветру листочке.

Неприветливо покосившись на расположенную у крыльца грядку с парой худосочных, захиревших кабачков, я направилась к выстроившимся у забора незнакомцам. Некоторые при виде меня вежливо улыбнулись. Мужчина лет шестидесяти, стоящий на шаг впереди остальных, поздоровался:

— Доброе утро, мэм.

За прошедшую неделю меня называли «мэм» по меньшей мере раз двадцать. И хотя на юге так принято обра-

щаться ко всем женщинам, это раздражало. У нас на севере никто так не выражается, разве что старики.

Заговоривший со мной человек был одет в камуфляжные штаны и футболку с надписью «Птицелюб». На голове у него красовалась бежевая широкополая панама, а на ногах — походные сапоги, которые больше подошли бы для тропинок возвышавшейся невдалеке горы Лукаут, чем для провинциального кафе.

— Доброе утро. — Свежесть и прохлада не особенно облегчили головную боль. — Сожалею, но кафе откроется только в восемь.

— Мы тут не за этим, — перебил мужчина. На его носу, похожем на луковицу, подрагивали бусинки пота.

Я сунула руки в карманы.

— Не за этим? А зачем? Что вы делаете в моем дворе, да еще в такую рань?

В голосе мужчины зазвучал неподдельный энтузиазм:

— Мы члены Общества орнитологов Алабамы из города Мобил. Приехали посмотреть на *Turdus merula*. Вы их уже видели?

— Тур... что?

— Черных дроздов, — раздельно артикулируя, пояснил мужчина и, вытащив телефон, показал фотографию. Наверное, решил, что я туго соображаю. — По имеющимся сведениям, на городском кладбище несколько дней назад видели целую стаю *Turdus merula*. Один местный житель сказал, что черные дрозды гнездятся здесь, на ветках шелковиц.

Остальные орнитологи, наострив уши, подтянулись ближе.

Я обернулась на две красные шелковицы, растущие в отдалении. Они раскинулись шатром, словно стараясь укрыть весь сад от бедствий и невзгод.